

Язык²: концепция языка в «социологии знания»

*«Язык возникает в повседневной жизни
и тесно связан с ней».*

Бергер Т. Лукман П.

Лингвистический поворот, как известно, произошел в начале 20-х годов XX века и был связан с разными отраслями социального и гуманитарного знания. С того времени язык стал полноправным участником различных философских дискуссий и достаточно популярной темой для нелингвистических исследований (они начались еще в 19 веке и с философией напрямую связаны не были).

Язык тематизировался, анализировался и осмыслялся, начиная еще с Гумбольдта, но с Людвигом Витгенштейном и его работой «логико-философский трактат» 1921 года он приобрел проблемный характер и для философии. Именно в этот период происходило накопление и постановка основных вопросов к языку, и самого главного – возможен ли логически корректный и непротиворечивый язык? Такая постановка проблемы исходила из логической и теоретико-познавательной направленности философии и самого духа позитивности.

Можно сказать, что язык рассматривался пока еще как инструмент, от точности и «рациональной» калибровки и умения пользоваться которым зависело продвижение на пути к новым знаниям. Поэтому сами исследования не были заинтересованы в чисто социальных вопросах о взаимоотношении триады «язык – общество – коммуникация», хотя также нужно понимать, что без логического анализа языка и знаковых систем не было бы того, о чем пойдет речь позже.

Язык к моменту написания анализируемой работы уже успел побывать «деятельностью духа народа» Гумбольдта и «домом бытия» Хайдеггера, однако постановки вопроса о его чисто социальных свойствах и корнях не имели особого успеха.

Обращение к проблеме языка, поставленной в социологии знания Бергера и Лукмана, даст многое для понимания языка во второй половине XX века. Основной работой по социологии знания является «Трактат по социологии знания: социальное конструирование реальности», которая вышла в 1966 году в США и ознаменовала уже неизбежные гомосексуальную и расовую социальные революции, и представляла собой проект легитимации «другого» в гомогенных социальных структурах.

Язык в работе понимался прежде всего как результат объективации, которая возникает из взаимодействия индивидов между собой. Язык – третья, разделяющая и одновременно собирающая социальный мир, сторона.

Язык как система объективаций

Язык, который мы используем в обычной, повседневной жизни дает уже установленные объективации и предлагает единственно возможный порядок употребления знаков и значений, только внутри которого, собственно, эти значения и приобретают смысл, а значит, приобретает смысл и сама повседневная жизнь. Все координаты, с помощью которых возможно обращение к субъективности, то есть пространство и расположение в нем, время становятся посредством языка социальными и возможны только таковыми. Язык как уже предопределяющая заданность обозначил место, где происходит жизни, распределил повседневность на особые потоки интеракций и репрезентаций индивидов. Идентичность, расположение, смещения – все отражено в языке и измеряется им с помощью собственных структур. Вот что пишут Бергер и Лукман: «Я живу в географически определенном месте; я пользуюсь инструментами — от консервного ножа до спортивных автомобилей, — которые указаны в техническом словаре моего общества; я живу в переплетении человеческих взаимосвязей — от моего шахматного клуба до Соединенных Штатов Америки, — которые тоже упорядочены посредством словаря».¹

Таким образом, язык отмечает координаты моей жизни в обществе и наполняет эту жизнь значимыми объектами, и конструирует сам социальный мир, сохраняя значения и вновь означивая предметный мир.

Так как язык – структура социальная, он разделен между участниками социального процесса, а язык в его речевом выражении и есть сама процессуальность социального, а стало быть, обычный язык, который «укоренен» в повседневном опыте, несет на себе отпечаток, прежде всего, именно повседневной социальности, которую Бергер и Лукман считают «высшей реальностью». Высшей реальностью именно потому, что от других особо специфицированных областей и «конечных областей значений» любой «психически» здоровый индивид возвращается в повседневность с ее непредвзятой установкой на очевидность и несомненность. Поэтому с помощью языка высшей реальности обращаться к периферийным и специфичным структурам социальности невозможно. Каждая такая область конечных значений, например, язык медицины, непереводаима в повседневный язык без потерь, а потери – факт не совсем удавшейся коммуникации, а значит и недопонимания смысла. Если сказать еще проще, то при переводе одних значений в другие часть социального мира попросту «отрезается»: «...я «искажаю» реальность последних, как только начинаю пользоваться языком для их интерпретации, т.е. я «перевожу» неповседневный опыт в высшую реальность повседневной жизни. Это хорошо видно на примере сновидений, а также характерно для тех, кто пытается описать теоретический, эстетический и религиозный миры значений».²

Язык происходит, причем нельзя сказать, в гегелевском смысле, совсем логически, однако, точный исторический путь не знает никто, и он остается темной стороной культуры. Язык именно происходит, как постепенная и все более и более

развивающаяся объективация, началом процесса служит первичное означивание, сигнификация, если употребить слова цитируемых выше авторов, потом, как в некотором логическом времени, происходит группировка знаков в системы знаков, связанные с теми регионами, которые они описывают, а уже эти системы организуются в язык, в тот современный язык, на котором говорит современное человечество. Язык в своей объективности получает свободу существования, и может быть отдален от первичных реальностей которые конструировал сигнификациями, и таким образом, только после этого, хотя авторы не говорят, предусматривается письмо, память и история.

Для понимания исходной для языка ситуации, в ее единичности, привлекается и используется «лицом-к-лицу» ситуация, понятая в близком к Альфреду Шюцу значении. Эта ситуация порождает постоянство типизаций взаимодействий между участниками интеракции, и именно в ней, возникает язык. Здесь будет уместным напомнить, что такая трактовка мгновенного возникновения языка вполне согласуется с пониманием Александра фон Гумбольдта, который утверждал, что язык не возникает постепенно, но возникает совсем и сразу. По его мнению, постепенность возможна лишь в приращении знаков и организованных смысловых единиц, однако структура самого языка появляется мгновенно.

Язык как элемент конструирования социального мира

По Бергеру и Лукману, основными свойствами языка как элемента социального конструирования социальной реальности являются:

- вынуждающая и диктующая объективность для индивида;
- способность передавать сообщения, вне ситуации «лицом-к-лицу»;
- Возможность вписывания любых повседневных ситуаций и любого опыта

в символические сети и матрицы. (Можно уточнить, язык сам по себе есть возможность завершения субъективного опыта, и опыт возможен только в языке.)

Язык позволяет объективировать бесконечно и гибко и дает уже готовые категории, понятия, и смысловые единства для сопоставления и вписывания индивидуального в социальное и тотального размещения уникального. Здесь можно говорить о невозможности уникальности, которая явлена в языке, возможно ли что-то новое, новее языка и его структур? Вероятно, решением этой проблемы можно постулировать сам язык и его становящиеся структуры, но тогда мы приходим к тому, что язык - это единственная и самая простая форма доступа к транслируемой повседневности.

Теперь следует сказать о том, как происходит завершение конструирования социального мира и объективации первичных типизаций. Сами авторы говорят о том, что благодаря своей способности выходить за пределы «здесь-и-сейчас» язык может собирать различные зоны реальности повседневной жизни и интегрировать их в единое и завершенное смысловое единство. Таким образом, если не уповать на плохую память, с помощью языка любой фрагмент реальности может обрести сюжет и смысловое продолжение в любой момент времени, когда этого захочет носитель языка.

Однако говорить об однородности и всепознаваемости языка авторы не советуют, отмечая то, что у социально распределенного знания (в понимании

Вальденфельса) имеется выраженная профессия, а вот у каждой профессии имеется свое особое семантическое поле, которое отличает саму профессию и техники ее воспроизводства.

Таким образом, напрашивается весьма противоречивый вывод о том, каков язык в социологии знания, и что нового дает нам такое его понимание. С одной стороны, признано не просто социальное происхождение языка, но и корреляция между языком и повседневностью, а это значит, что все попытки присвоить язык и разметить его идеологически, как это делается до сих пор, бесполезны, и мгновенная языковая политика невозможна. Чем более повседневен и распространен тот или иной язык, тем он более инертен и более типизирован. Оказалось, что язык все-таки более следствие социальных взаимодействий, нежели сам может их порождать в каком-то особом смысле. Непрерывная социальность дискретизируется в языке, теряя, собственно, самую суть процесса, оставляя лишь глагольные проблески таковой, именно в своей застывшей структуре язык и спотыкается о социальность, давая ей право на новое бытие.

С другой стороны, язык – машина угнетения и однозначной социализации, без права выбора. Это тотальная объективность, которая наваливается своим грузом на текучесть и взаимодействия людей, которая лишь позволяет говорить о возможной свободе. Мышление возможно только на языке, социальность в ее первичности возможна только в языке, почти все феномены культуры – языковой обмен и согласованные системы типизаций и объективаций, от которых некуда убежать. И что самое важное, не всегда возможно корректное понимание того, из каких корней возникает «сейчас-язык», чем он обусловлен, ведь он, как любой продукт, за ним – кто-то стоит, и хорошо, если это всего лишь анонимная социальность, а не «Большой Брат», ищущий финальной нормализации.

Язык противоречив, и единственное что можно твердо утверждать, так это то, что неотвратимое его понимание и осмысление ведет к большей свободе, а борьба за постоянство норм и укоренение правил «великого и могучего» и прочих других языков приводит лишь к застыванию застывания и раздвоению, или п-порождаемым макроязыковым повседневностям, что и ведет к тотальным сдвигам в общественных процессах. Не надо забывать, что правила закрепляют, мышление – размысливает, а язык – находится по ту сторону добра и зла.

Литература

- 1 Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*, М, 1995. С. 13.
- 2 Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*, М, 1995. с. 19.